

Пространственные проекции социальной мобильности: переезды как доминантные события биографического повествования¹

Анна Стрельникова*

В статье обсуждаются возможности анализа субъективного восприятия переездов (событий, связанных со сменой места жительства) как пространственных проекций социальной мобильности. Автор считает, что переезды приводят к изменениям в жизни, субъективно воспринимаемым как важные и влияющие на траекторию жизни. Опираясь на описание переездов в биографическом повествовании, можно анализировать самоидентификацию респондента с тем или иным положением в социальной структуре на начало и конец анализируемого периода (до переезда и после него), и благодаря этому становится возможной субъективная оценка результатов социальной мобильности.

Ключевые слова: биография, мобильность, социальная мобильность, географическая мобильность, пространственные практики, жизненные траектории

Постановка проблемы

Традиционные исследования мобильности как феномена перемещений в социальных координатах и интерпретация результатов этих перемещений сводятся, в большинстве случаев, к анализу «объективной» динамики материального благосостояния, а также динамики образовательного и профессионального уровней индивидов и групп (Тихонова, Давыдова, Попова, 2004; Тихонова, 2011; Андреев, 2007; Богомолова, Тапилина, 2006; Громова, 1998; Горшков, 2009). При этом исследователи могут отмечать, что некоторые «пространственные» переменные находятся во взаимосвязи с перечисленными стратификационными осями (например, уровень доходов может зависеть от региона проживания и типа населенного пункта, пространством формирования низшего класса становятся малые города и села, в то время как средний класс сосредоточен в крупных городах (Тихонова, 2011)), но до недавнего времени среди российских авторов пространственная составляющая социальной мобильности практически не становилась объектом для самостоятельного изучения. Еще меньше внимания уделялось анализу субъективных оценок события «переезда» как аспекта социальной мобильности.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории», поддержанного Российским научным фондом. Грант № 14–28–00217.

* Стрельникова Анна, кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИС РАН, доцент социологического факультета ГАУГН. astrelnikova@hse.ru.

Однако в последние годы можно наблюдать, как обсуждение социальной мобильности стало выходить за рамки стратификационных подходов, становясь сюжетом глобального «мобильного поворота» в социальных исследованиях (Büscher, Urry, Witchger, 2011; Kien, 2009; Thrift, 2004; Hein, Evans, Jones, 2008). По мнению Дж. Урри, многообразные перемещения, варьируясь от ежедневных, еженедельных и ежегодных до продолжающихся всю жизнь, превращаются в рисунок жизни (Урри, 2013), поэтому движение в различных формах и проявлениях должно стать важнейшим концептом для осмысления социально-экономических, социально-политических и социокультурных процессов. Этот концепт необходимо использовать в том числе для реорганизации исследований социального неравенства (Урри, 2012). Принимая эти идеи и рассматривая пространственные проекции социальной мобильности, т. е. те изменения социальных позиций, которыми сопровождаются переезды (из одного жилища в другое, из одного населенного пункта в другой, из одной страны в другую), исследователи могут преодолеть излишнюю сфокусированность в описании данного феномена и охватить все многообразие жизненных траекторий индивидов и групп.

Таким образом, в основе нашего анализа лежит идея о том, что опыт переездов (как добровольных, так и вынужденных) и других пространственных перемещений накладывается на личные и семейные биографические сюжеты и меняет их, т. е. можно говорить о проекции жизненных траекторий на физическое (географическое) пространство и, затем, о влиянии географического «вектора» мобильности на различные события жизни.

Используемые методы и источники данных

Анализируя пространственную составляющую в описании социальной мобильности, мы опираемся на материалы проекта «Век социальной мобильности в России», где в качестве метода сбора данных выступали биографические интервью с представителями нескольких поколений одной семьи². Часть этих интервью вместе с исследовательской интерпретацией опубликована в монографии «Судьбы людей: Россия XX век» (Судьбы людей..., 1995), остальные интервью в настоящий момент обрабатываются участниками проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории», среди которых и автор данной статьи. Для анализа нами отбирались те интервью, в которых в самом начале (на этапе первичного нарратива) респондент описывал свои переезды. В результате было проанализировано 22 интервью. Важно упомянуть социально-исторический контекст, с которым соотносятся истории информантов: это, с одной стороны, опыт проживания в Советском Союзе и, с другой стороны, опыт жизни на переломе эпох в начале 90-х годов XX века (именно в этот «переломный» период проводился сбор данных).

Пространственные перемещения в биографическом повествовании

Одной из характеристик биографического повествования является детализация рассказа, подразумевающая, со стороны рассказчика, осознанную необходимость в уточнении тех или иных сюжетов биографии через их соотнесенность со временем и пространством. Поэтому в процессе биографического интервью рассказчик, наряду с использованием других структурирующих элементов своего повествования, дает

² В проекте «Век социальной мобильности» отбор респондентов и многоэтапный анализ семейных жизненных траекторий осуществлялись среди возрастной когорты 1965–1967 годов рождения тех, кто участвовал в лонгитюдном проекте «Пути поколения России» (М. Титма, В. Семенова, Л. Коклягина). В архиве данных этого проекта содержится около 120 биографических интервью из 68 семей.

описание места и времени как обстоятельств, необходимых для понимания описываемых им событий (Рождественская, 2012; Голофаст, 1995). Можно сказать, что перемещения в пространственных координатах являются доминантными событиями биографии по критерию существенного изменения привычных обстоятельств жизни, которые субъективно воспринимаются как важные для рассказчика. Анализ таких событий, с одной стороны, имеет самостоятельную ценность при изучении жизненного пути. С другой стороны, такие события создают структуру жизненной траектории, очерчивают поворотные моменты этой траектории и, в конечном счете, помогают информанту и исследователю разделить жизненный путь на четкие этапы, для каждого из которых становится возможной субъективная оценка результатов социальной мобильности. Иными словами, время и пространство могут выступать в качестве упорядочивающих элементов рассказа о жизни, что позволяет говорить о возможности анализа «пространственных» биографий, или биографий, насыщенных пространственными практиками (Стрельникова, 2014). Точками отсчета в такой биографии могут служить переезды, утрата или обретение жилья и другие важные для рассказчика эпизоды житейского опыта, связанные с пространственными перемещениями.

Таким образом, биографические рассказы могут быть выстроены как нарративы жилищной мобильности, с последующим субъективным осмыслением переезда в терминах социальной мобильности. Иначе говоря, переезды и связанные с ними сюжеты предстают в качестве пространственных проекций социальной мобильности, среди которых можно выделить следующие типы:

1) переезды как поворотные моменты биографии (наличие намерений по поводу переездов в разные периоды жизни, практика реализованных переездов, количество переездов и их направленность): *«После окончания института мне как семейной должны были выделить комнату, ну как молодому специалисту. <...> Потом я ушла в декрет и уехала к родителям мужа, а там прожила три года ещё. <...> Мне после возвращения общежития долго-долго не давали и, в результате, я оттуда уволилась из-за жилья» (И., жен., 45 лет³);*

2) характеристики «приживаемости» индивидов после переездов (формирование и закрепление статусных позиций в новом пространстве, обретение дружеского окружения, освоение пространства и его инфраструктуры и т. д.;

3) формирование своего личного пространства в интерьере жилища и отражение в этом пространстве своего статуса, достижений, представлений о жизненном успехе, а также представления индивида об идеальном жилище, о желательном и нежелательном соседстве: *«Особенно-то интерьером и не задавались, что было, то и вешали... Допустим, выбросили ковёр там какой-нибудь, и бежали все за этим ковром. Он мог там провисеть всю оставшуюся жизнь. <...> Может быть, там повыше которые люди были. Те всё-таки они... выбор был у них где-то больший, они могли даже некоторые там и за границу выезжать, вот, а мы — средний уровень, нет, нет. Было, доставалось, тому и рады были» (А., жен., 50 л.);*

4) пространственные практики (повседневные перемещения в рамках своего населенного пункта и его окрестностей, специфические ориентиры и описания пространства, в которых косвенным образом проявляются статусные характеристики: *«Мы жили практически в пригороде, который считался Москвой. Поездка в город — это праздник. У нас ходил один-единственный автобус в центр» (Е., жен., 55 л.).*

В рамках данной статьи мы рассматриваем преимущественно первый тип пространственных проекций мобильности, т. е. переезды как поворотные моменты биографий, благодаря которым респондент связывает свое пространственное перемещение (смену

³ Здесь и далее указан возраст информантов на момент сбора данных.

места жительства) с изменением места в социальной структуре, идентифицируя свое положение на начало и конец анализируемого периода, т. е. до переезда и после него. Отметим, что в ходе описания переездов рассказчики, как правило, акцентируют внимание на изменениях привычного жизненного уклада, а также на появлении различных возможностей, недоступных ранее. Подобные сюжеты позволяют увидеть событие глазами рассказчика, а также его отношение к «старому» и «новому» положению в пространстве. Говоря словами Г. Башляра, «различные жилища нашей жизни проникают друг в друга в мечтах и хранят сокровища прежних дней» (Башляр, 2002, с. 3).

От «перемещений» к «траекториям»: субъективная оценка результатов социальной мобильности

По нашему мнению, целесообразно разделить анализ представлений о влиянии пространственных перемещений на два этапа: 1) оценка их потенциала (то, что информант ожидал от своей пространственной мобильности на этапе ее планирования) и 2) оценка результатов (т. е. успешности перемещений, степени реализации своих ожиданий). Анализ двух этих этапов позволяет более точно понять, «лучше» или «хуже» стала жизнь информанта после переезда (или после серии переездов), «ближе» или «дальше» информант ощущает себя по отношению к своим жизненным целям, т. е. в этом случае происходит перенос траектории пространственных перемещений на траекторию жизни. В свою очередь, такой перенос дает возможность к формированию субъективной оценки переездов в понятиях жизненной цели, т. е. к своеобразному отождествлению «переездов» с более общим понятием субъективной успешности/неуспешности своей жизни, повышения/понижения статуса. Рассмотрим в качестве иллюстрации несколько жизненных историй из проекта «Век социальной мобильности в России».

Переезд как основная жизненная цель. В биографии Т. (жен., 45 лет), выросшей в небольшом селе, переезд в Москву воспринимался как основная жизненная цель после окончания школы-восьмилетки: *«с братом был разговор, что я в Москву хочу уехать, устала я в деревне, поеду в Москву»*. Ожидания от переезда у информантки были самыми положительными, даже идеализированными. Поэтому данную цель предполагалось достичь даже вопреки воле родственников. Сначала девушка уговорила мать, чтобы та отпустила ее в Москву на каникулы, затем в поезде произошла встреча Т. с будущим мужем, который раньше жил в соседнем селе, а теперь *«год уже как жил в Москве, устроился»*, и потом, чувствуя поддержку с его стороны, девушка вернулась в родное село, чтобы попрощаться с близкими: *«поехала я домой обратно, с матерью поговорила. Ну, она, конечно, расплакалась, не хотела отпускать»*.

Сразу после переезда Т. поступила в ПТУ, получила место в общежитии, спустя год вышла замуж за своего попутчика, еще через год у них родился ребенок. С этого момента в повествование вплетается тема жилищной мобильности, т. е. изменение жилищных условий, связанное с происходящими в жизни событиями: *«Нам отделили комнату одну <...> общежитие было маленькое, бревенчатое. И мы жили там год — нет, больше — до рождения ребенка. А потом нас перевели в новое общежитие, там была квартирная система: кухня общая, ванна-туалет»*.

Анализируя эту часть биографии, можно отметить, что изначально переезд воспринимался информанткой как единственная возможность устроить свою жизнь. Однако, прожив половину жизни в Москве, Т. весьма скромно оценивает успешность своей жизненной траектории. Во второй части интервью она отмечает, что жизнь в городе сложилась вовсе не радужная, а в ее селе была не такой уж плохой, и поэтому можно было бы туда вернуться. Иными словами, мы наблюдаем нейтральную субъективную оценку своего опыта мобильности как ни восходящую, ни нисходящую. Также стоит отметить, что

именно опыт переезда дает основу для сравнения тех или иных периодов своей жизни, т. е. переезд становится важным ориентиром для оценивания своих возможностей до и после него.

Переезд как перемещение от одного социального окружения к другому. В биографии С. (муж., 40 лет), насыщенной многочисленными внутригородскими переездами с раннего детства, смена жилища соотносилась с закреплением себя в новом социальном окружении, а сами квартиры описывались с точки зрения их престижности (по местоположению, близости к значимым объектам городской инфраструктуры, площади, интерьеру и т. д.): *«Мы переехали на другую квартиру... стали жить напротив Академии художеств», «это был уже центр, соответственно, уже другое окружение», «дача была со всеми удобствами, со всеми буквально, какие есть в городе... 3-комнатная квартира с ванной, с туалетом, с водой, ну, все, все, все».* Эти элементы повествования служат важными структурными элементами для подчеркивания высокого статуса, который имела семья С. в прошлом. Этот статус позднее, в «лихие» 90е годы, был утрачен семьей рассказчика, но для него он является устойчивым ориентиром для субъективной оценки текущей социальной позиции как неуспешной.

В биографии Я. (муж., 38 лет) уже при описании детства можно увидеть сравнение статуса родителей и статуса ближайшего окружения, а также сравнение ожидаемых и реальных жилищных условий, которые соответствовали бы данному статусу: *«жили в коммуналке <...> моя мать несколько выпадала из этого ансамбля, потому что она была такая женщина интеллигентная, а там люди были попроще, <...> потом как-то сложным обменом выкрутили квартиру двухкомнатную».*

В биографии Б. (жен., 56 лет) мы обнаружили запутанный рисунок географических перемещений, который можно назвать «гипермобильностью». Эта гипермобильность была связана с опытом постоянных лишений и житейских неурядиц: репрессии в родительской семье, расселение в бараки, отсутствие прописки, вынужденный уход с работы из-за недоброжелательности и доносов. Б. предпринимала попытки «остановить» свои перемещения, но обстоятельства, в первую очередь жилищные, были неблагоприятными: *«Может, они и не знали, что я из раскулаченных, но знали, что я жила в бараках, а в бараках жили все такие <...> Жить было нигде. У мамы был крохотный флигелечек. Комнатка и кухонька. Надо строиться. А как?».* В результате Б. устроилась на тяжелую низкоквалифицированную работу, т. к. там ей пообещали стройматериалы и ссуду: *«Пошла работать штукатуром. И штукатурила 20 лет. Руки не сгибаются. А что делать?..»*, и спустя 14 лет такой работы смогла обзавестись своим жильем. В данной биографии мы наблюдаем серию «неуспешных» переездов, которые не приводили к повышению социального статуса, а отсутствие собственного жилья воспринималось как самый важный критерий «неуспешности».

В биографии В. (муж., 38) тоже можно увидеть, что собственное жилье становится целью переезда и индикатором жизненного успеха (и везения). При этом другие события жизни (например, заключение брака) воспринимаются как фоновые, не доминантные:

Интервьюер: Расскажи, пожалуйста, про свое распределение, и что на него повлияло?

В.: Квартира повлияла. Еще будучи студентом получил ордер на квартиру в Москве. Фантастика, конечно! Ходили легенды... <...> получил московскую прописку! Получил квартиру! И вообще! <...> Из-за этих всех квартирных вопросов мы свой брак зарегистрировали позже несколько, вот. То есть когда я получил московскую прописку, тогда мы с женой пошли регистрироваться. Но я уже точно знал, что я на ней женюсь, для меня это была пустая формальность».

Конечно, тут важно понять, по сравнению с какой стартовой позицией респондент так эмоционально оценивает получение квартиры. В данном случае это был простой

деревенский дом в Подмосковье, который В. снимал вместе с будущей женой, и в который он переехал из институтского общежития. На этом фоне получение московского жилья воспринималось как подарок судьбы. В свою очередь, быстрое решение жилищного вопроса дало В. более высокие стартовые возможности в карьере: он получил возможность выбирать интересную для себя работу, причем с удобным творческим графиком:

«Было вот вакантное это место режиссера. <...> Я говорю: «У тебя как, свободно с графиком-то?» «Да, господи, мы ж друзья. Я директор, ты — мой подчиненный... Что я тебя буду контролировать, что ли, с 8 до 6... Есть работа — ты есть, нет работы...». Ну, я подумал, а что в этом плохого? <...> Ну, и хорошо дело пошло».

Межпоколенная мобильность: «отсроченные» эффекты географической мобильности. В ходе анализа интервью мы столкнулись с феноменом «отсроченных» эффектов географической мобильности. В зависимости от объекта сравнения (семья родителей или семья самого индивида) можно различать внутрисемейную и межпоколенную мобильность. Анализ межпоколенной мобильности становится возможным на базе жизненных историй, в которых переезд был важной вехой в биографии родителей, но заметное изменение социальных позиций наблюдалось только в следующем поколении (у детей). Например, в истории семьи Шинелевых (*Судьбы людей...*, 1996, с. 70–99) мигранты-крестьяне после переезда в столицу сохранили свой привычный деревенский уклад жизни, занимаясь тяжелым физическим трудом и совсем не пользуясь инфраструктурой большого города. Говоря словами П. Сорокина, такое поведение является «уединением внутри своей социальной ячейки», в которой человек «...обречен думать и смотреть на мир сквозь очки» этой ячейки (Сорокин, 2004Ю с. 102–103). Но при этом семья Шинелевых понимала, что им обязательно нужно дать детям высшее образование, чтобы дети могли заниматься не такой тяжелой работой, как они сами. Сам факт появления этой возможности (и ее последующая реализация) говорит о том, что посредством миграции из села в город менялся социальный статус семьи, причем, как показывают результаты массовых опросов того же временного периода (Черныш, 1995, с. 135), для жителей сельской местности миграция в город в группу низкоквалифицированных рабочих являлась единственным каналом мобильности. В этой ситуации географическая мобильность имеет «отсроченный» эффект, т. к. обеспечивает формирование новых стартовых позиций для последующих поколений, т. е. для детей мигрантов, через образование. Отметим, что сам факт «отсроченности» тех или иных социальных последствий отмечался также и в традиционных исследованиях социальной мобильности. Например, М. Ф. Черныш, описывая влияние социальных перемещений индивида (от одной статусной позиции к другой) на изменения его идентичности (мировоззренческих установок, образа жизни и др.), обнаружил, что это влияние в значительной мере инерционное. Опираясь на результаты эмпирических исследований, Черныш делает вывод, что при достижении новой социальной позиции у индивида наблюдается «шлейф прошлых, не всегда положительных, ценностей и неконструктивных представлений» (Черныш, 1995).

Заключение

Таким образом, траектория географических перемещений индивида становится не только важным источником информации о социальной мобильности, но также основанием для субъективной оценки результатов этой мобильности. Описывая пространственные перемещения, информанты раскрывают свою логику принятия решений в тех или иных жизненных ситуациях, дают описания стартовых и текущих статусных позиций (как личных, так и своего ближайшего окружения). Пространственные «точки» становятся точками в рисунке жизненной траектории и отражают результаты социальной мобильности, будь то переход в статус горожанина или внутригородской переезд, связанный с изменением семейного статуса или переходом на другую работу.

Биографический подход позволяет проанализировать субъективный смысл переезда, соединяя факт перемещения с его мотивационными структурами, т. е. с тем, как сами респонденты рассматривают переезды в качестве жизненной утраты или приобретения. Отметим, что именно анализ индивидуальных жизненных траекторий позволяет понять, как меняются возможности (ресурсы, шансы) индивида при перемещениях с одного места на другое, и как перемена места жительства предстает в нарративах рассказчиков в роли основной жизненной цели, критерия повышения своего статуса или престижа, вложения в будущие поколения.

Отдельного рассмотрения в дальнейших работах заслуживает тема жизненного успеха, которая акцентируется при обсуждении сюжетов, связанных с перемещениями и переездами. Результаты проанализированных интервью показывают, что представления о жизненном успехе не статичны в течение жизни, т. е. можно говорить о динамике представлений об успешности, причем эти представления могут быть привязаны к определенным точкам во времени и пространстве. Также можно говорить о «максимальной» и «минимальной» (в субъективном представлении) успешности в течение жизни и о том, как перемена места жительства соотносится с субъективной ценностью жилища как такового. Можно предположить, что на момент сбора данных (90-е годы) тема «ценности жилья» (самого наличия жилья, как «крыши над головой») была особенно актуальной для информантов, проживших большую часть жизни в советские годы, и, соответственно, переезд, сопряженный с фактом получения жилья, был бесспорным для них индикатором повышения статусных позиций. По нашему мнению, в будущих исследованиях было бы перспективно провести сравнение этих представлений о жилище и переездах с представлениями, актуальными на данный момент.

Литература

- Андреев А. Н. Ментальность россиян и проблемы социального неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 2 (82). С. 67–73.
- Башляр Г. Смысл жилища // Логос. 2002. № 3 (34). С. 1–26.
- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Бедность в современной России: измерение и анализ // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 2006. № 22. С. 90–113.
- Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–89.
- Горшков М. К. Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 36–47.
- Громова Р. Г. Социальная мобильность в России: 1985–1993 годы // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 15–39.
- Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Высшая Школа Экономики, 2012.
- Сорокин П. А. Влияние мобильности на человеческое поведение и психологию / Пер. с англ. М. В. Соколовой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 2 (70). С. 101–110.
- Стрельникова А. В. Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2014. № 8. С. 30–36.
- Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М.: ИС РАН, 1996.
- Тихонова Н. Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 24–35.
- Тихонова Н. Е., Давыдова Н. М., Попова И. П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 120–129.

Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева М.: Праксис, 2012.

Урри Дж. Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 3–14.

Черныш М. Ф. Социальная мобильность и массовое сознание // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 134–138.

Büscher M., Urry J., Witchger K. Mobile Methods. London: Routledge, 2011.

Hein J., Evans J., Jones P. Mobile methodologies: Theory, technology and practice // Geography Compass. 2008. Vol. 2 (5). P. 1266–1285.

Kien G. Global Technography: Ethnography in the Age of Mobility. NY: Peter Lang Publishing, 2009.

Thrift N. Movement-space: The changing domain of thinking resulting from the development of new kinds of spatial awareness // Economy and Society. 2004. № 33 (4). P. 582–604.